

Нашы лаўрэаты

В конце октября 2006 г., когда Белорусский государственный университет праздновал свой 85-летний юбилей, были объявлены имена новых победителей университетского конкурса научных работ на соискание премий, учрежденных в память о двух выдающихся ректорах нашего университета - об историке академике АН СССР В.И. Пичете (1878-1947) (премия в области социальных и гуманитарных наук) и о физике академике АН БССР А.Н. Севченко (1903-1978) (премия в области естественных наук). Третий раз подряд премия имени Пичеты присуждена представителю филологического факультета: в этом году ее лауреатом стала заведующая кафедрой классической филологии доцент Галина Ивановна Шевченко, представившая на конкурс монографию «Фразеологизмы античного происхождения в славянских языках» (Мн., БГУ, 2005).

31 октября 2006 г. на торжественном заседании Ученого совета университета лауреаты премий имени Пичеты и имени Севченко 2006 г. выступили с презентациями своих книг и проектов.

Поздравляя Г.И. Шевченко с присуждением ей почетной университетской премии, публикуем Пичетовскую лекцию Г.И. Шевченко, а также рецензию А.А. Кожинной о книге, заслужившей награду.

Н.Б. Мечковская,
ответственный редактор серии IV журнала «Веснік БДУ»

Г.И. ШЕВЧЕНКО

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛОРУССКУЮ

Шевченко Галина Ивановна - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой классической филологии. Автор более 80 научных работ, соавтор ряда учебников нового поколения по латинскому языку. Перу Г.И. Шевченко принадлежит монография «Фразеологизмы античного происхождения в славянских языках». Область научных интересов - классические языки, их история и методика преподавания, рецепция античной культуры в европейскую.

Исследуется рецепция античной культуры в белорусскую. Выделены этапы влияния. Диапазон исследования - от позднего средневековья до наших дней.

The paper examines reception of antique culture by Belarusian one. Stages of influence are identified. The study covers a period between late Middle Ages and the present time.

Белорусская культура, как и другие европейские, сформировалась под заметным воздействием античности. Однако феноменом данной культуры можно считать то, что именно здесь встретились и взаимодействовали две культурные традиции: византийская и западноевропейская. Принятие христианства по греческому образцу не только способствовало включению белорусских земель в общемировой исторический процесс, но и благоприятствовало проникновению античной культуры.

Как известно, античные классические традиции в Византии никогда не прерывались, хотя уже воспринимались в несколько трансформирован-

ном виде. Выраженный религиозный характер этого восприятия предопределил невозможность обращения к светским и научным ценностям античности, к ее мифологии, сюжетам и образам, которые считались языческими и аморальными. Воспринималось лишь то, что не имело идеологического и мировоззренческого характера, прежде всего жанры и нормы классической поэтики и риторики. Поэтому сведения об античном мире, почерпнутые из столь популярных у восточных славян хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, известных и на белорусских землях, так скудны и ограничены. Процесс более интенсивного влияния античности усилился после возникновения Великого княжества Литовского, так как были созданы условия для широкого проникновения европейской образованности, следствием чего явилось усвоение латинской традиции, формирование латиноязычной литературы, европейского театра и школы. Таким образом, ориентация на античные и западноевропейские культурные традиции несколько ослабила южнославянское и византийское влияние. Уже с конца XV - начала XVI в. белорусские земли начали развиваться по западному образцу, что стало неотъемлемой частью белорусской культуры. Это выразилось прежде всего в зарождении социально-политических учений (Ян Замойский, канцлер ВКЛ, «*De senatu Romano*», 1563 г.; Андрей Волан, философ, «*De principe et proprius ejus virtutibus*», 1608 г., «*De vita beata sine summo hominis bono*», 1609 г.; Казимир Лыщинский, педагог, общественно-политический деятель, «*De non existentia Dei*», 1687 г.). Возрастает роль переводной светской литературы. На старобелорусский язык в XV-XVI вв. были переведены: «Александрия», «История об Аттиле», «История разрушения Трои», «Притча о трех королях-волхвах» Иоганна из Гильдесгейма. Проявился интерес к рыцарскому роману и воинской повести («История жизни и подвигов Сканденберга», «Книги о Товдале-рыцаре», «Римские деяния»). Со старобелорусского на латинский язык переведен летописный памятник XVI в. «*Origo regis*», послуживший одним из источников для «Истории Польши» Яна Длугоша.

Огромную роль в распространении европейского образования играла школа. Школьная система на белорусских землях была разнообразной и при этом религиозно направленной. Так, в западной и центральной Беларуси (Гродно, Несвиж, Слуцк, Минск, Полоцк), кроме прикостельных католических школ, действовали частные, униатские и иезуитские школы и коллегии, в которых, кроме «семи свободных искусств» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка), изучались и два древних языка - латинский и греческий. Латынь в этих заведениях была языком повседневного общения. В церковноприходских и братских школах, распространенных на востоке страны, кроме обязательного церковнославянского, изучались старобелорусский и греческий, латынь тоже входила в список основных предметов. Знание латинского языка, несомненно, способствовало получению белорусскими юношами образования в латиноязычных университетах Западной Европы, а также давало возможность обращаться непосредственно к античной литературе, философии, истории, чего не давал церковнославянский язык. Приобщение белорусов к научному опыту Европы привело к тому, что выходцы из белорусских земель не только получали европейское образование, но и преподавали в университетах Запада. Так, в Краковском университете «Письма» Цицерона читал Ян из Полоцка, «Этику» и «Метафизику» Аристотеля преподавал Ян из Мостов. В 1570 г. была открыта Виленская иезуитская коллегия, положившая начало созданию Вильнюсского университета (1579), в стенах которого преподавали также белорусы А. Каялович, В. Протасевич. Особую роль в усилении латинской образованности играло книгопечатание. Печатные мастерские были широко распространены в Беларуси. Приведем данные об издании книг и языках этих изданий: в 1522-1590 гг. напечатано 324 книги, из них на латинском языке - 151, старобелорусском - 50, польском - 14, литовском -

три, итальянском - одна, греческом - одна; в 1600-1625 гг. издано 374 книги, из них латиноязычных - 107, старобелорусских - 56, польских - 202, литовских - две, немецких - шесть. (Анушкин А. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970. С. 13.)

Значительное место в становлении белорусской духовности занимали библиотеки. Славились своими фондами библиотеки магнатов Радзивиллов, Олельковичей, Ходкевичей, Зеновичей, а также книжные собрания католических и православных священников, шляхты, мещан. Католические и православные монастыри также имели прекрасные книжные коллекции. Книги на латинском и греческом языках занимали в этих собраниях почетное место. По всей вероятности, эти собрания сыграли не последнюю роль в формировании у белорусского читателя вкуса к высокой литературе и способствовали появлению на Беларуси оригинальной латиноязычной литературы. Особое место среди латиноязычных произведений Беларуси занимала лирико-эпическая поэма Н. Гуссовского (ок. 1480 - после 1533 г.) «Carmen de statura, feritate ac venatione bisontis» (1523 г.). «Песня о зубре» - произведение самобытное, пропитанное национальным духом. И все-таки в нем особенно ярко прослеживается влияние античной поэзии и поэтики. Стихотворный размер произведения - элегический дистих. В поэме широко используются мифологизмы. Заметно, что на творчество Н. Гуссовского огромное влияние оказали произведения античных авторов, особенно Вергилия. К примеру, картина боя соперничающих быков представлена в «Энеиде» следующим образом:

*Cum duo conversis inimica in proelia
tauri
Frontibus incurrunt, pavidum cessere
magistri,
Stat pecus omne metu mutum,
mussantque iuvencae
Quis nemori imperitet, quern tota
armenta sequantur;
Illi inter sese multa vi vulnera
miscunt
Cornuaque obnixa infigunt et
sanguine largo
Colla armosque lavant, gemitu
nemus omne remugit...*
(XII, 716-722).

Два свирепых быка начинают
сражение, с разбегом
Лбом ударяют в лоб, трепеща
пастухи отступают;
В страхе немом, не мыча ожидают
покорно коровы,
Кто стада поведет, кто станет
рожи владыкой;
С силой оба врага рога друг в друга
вонзают,
Кровь широкой струей заливают
подгрудки и плечи,
Громким отзвуком рев отдается
по рощам окрестным
(перевод С. Ошерова).

Н. Гуссовский же так описал эту ситуацию:

*Regna petunt multo sanguine saepe
mares,
Proelia circumstant miseros furibunda
regentes
Nullaque securi temporis hora datur,
Atque adeo tumida regni furor aestuat
ira,
Ut saepe altehus morte dirempta
cadat.
Ambiguae postquam subiere pericula
vires,
Ut pecori praesit, praemia victor habet.
Victus ab ita maerens et totus exulat
annos,
Migrantem sequitur femina maesta
virum.*

Самцы стремятся к власти часто
с большим кровопролитием, неис-
товаемые сражения окружают несча-
стных предводителей и нет ни ча-
са спокойного времени, и до такой
степени пылает ярость из-за над-
менного гнева власти, что часто
она прекращается только после
гибели другого. После того как оба
соперника испытали опасность,
победитель получает награду
в том, чтобы стать во главе ста-
да. Победенный уходит опечален-
ный и все годы проводит в изгнани-
и, печальная самка следует за
уступающим супругом. (Здесь и да-
лее перевод автора. - Г. И.)

Художественным памятником Грюнвальду считают исследователи напи-
санную гекзаметром латиноязычную поэму «Bellum Prutenum» Яна из Вис-

лицы (1480-1520), в которой также используются мифологические образы и сюжеты, античные реалии, сведения из греческой и римской истории, упоминаются античные географические названия (Борисфен, Геллеспонт, Танаис и др.). Вот как Ян Вислицкий описывает войну:

<i>Tempus erat calidum, quo Julius annua mensis</i>	Было знойное время, когда июль приводит к зрелости ежегодные
<i>Maturat per agros Cerealia dona feraces,</i>	дары Цереры на плодородных полях, прекрасный урожай для жнецов
<i>Pulchrum opus incurvis messoribus agricolisque,</i>	и земледельцев, когда на Прусских полях задерживается суровый Марс,
<i>Quo Mars in campis Prutenis constitit acer</i>	приводящий в движение оружие, он то ведет их (воинов) вперед, то
<i>Anna movens, iamque hos clipeum iam volvit...</i>	обрашает в бегство... Смерть господствовала над войском и, проле-
<i>Aere Mors potiebatur campoque volando</i>	тая над залитым кровью полем, показывала множество трупов, кото-
<i>Anque cruentato signabat funera multa</i>	рые готовы упасть в Стигийские озера и в бездонную ночь.
<i>Sub Stygios ruitura lacus noctemque profundam.</i>	

В поэме ощущается несомненное влияние «Энеиды» Вергилия. Истинным знатоком классических языков, античной истории, литературы и философии является белорусский первопечатник, просветитель, переводчик Библии на старобелорусский язык Франциск Скорина (1490 г. - не позднее 1551 г.). В предисловиях к переводам библейских книг Ф. Скорина называет Солона и Ликурга, ссылается на Цицерона и Аристотеля, на александрийского философа Филона. Исследователи скорининского перевода Библии считают, что он широко использовал Вульгату, а также Септуагинту. Кроме того, почти все документы, касающиеся биографии и творческой деятельности Скорины, написаны на латинском языке (см. Францыск Скарына: Зб. дак. і матэрыялаў. Мн., 1988). На латинском и польском языках писали многие видные представители белорусской культуры. В их числе первый белорусский пареммограф Соломон Рысинский (Solomo Pantherus Leucorussus) (род. в 60-е гг. XVI в. - умер в 1625 г.). Известны его «Альтдорфские письма», написанные на латинском языке, в которых встречается большое количество мифологизмов и цитат из античных авторов. Письма свидетельствуют о глубоких знаниях С. Рысинского в области древней философии и литературы, а его стихи «изобилуют латинскими словами и словосочетаниями с тонкими оттенками значений» (Порецкий Я.М. Соломон Рысинский. Мн., 1983, 22). Важным для славянской культуры является сборник пословиц С. Рысинского, изданный в Любче в 1618 г., а затем переизданный в 1621 и 1629 гг. в Кракове. В 1842 г. К. Вуйтицкий (K. Wojcicki) переиздал этот словарь в своем многотомнике «Biblioteka pisarzy polskich» (Варшава, 1842, т. 3). Несмотря на то, что сборник называется «Польские пословицы» («Proverbiorum Polonicorum a Solomone Rysinio collectorum centuria decern et octo» лат.), он включает также и восточнославянский материал. Кроме того, термин *proverbia* шире понятия «пословица», и в действительности сборник содержит устойчивые сочетания разных типов. Сборник состоит из 18 разделов (в каждом по 100 единиц), озаглавленных по-латински (от *centuria prima* до *centuria decima octava + appendix*). Материал дается на польском языке, при некоторых пословицах приводятся латинские параллели, раскрывающие семантику и предназначенные, видимо, для читателя-иностранца: *Na święty nigdy, Na zielone światki - ad Calendas Graecas, od Annasza do Kaifasza - ab Herode ad Pilatum*.

Представленные в сборнике пословицы можно разделить на несколько групп: 1) общеславянские (частично интернациональные): *ni ryba ni mięso*

(ср.: *ни рыба, ни мясо; нірыба, німяса; ніриба, нім'ясо*); 2) польские: *Jedno do sasa, a drugie do lasa*; 3) восточнославянские: *Bog troycę lubi; Kwapi się, by Popowna za męż.*

На основе материала С. Рысинского можно установить время проникновения в славянские языки фразеологических калек античного происхождения: *Głos ludzki - głos boży - Vox populi - vox dei; Co na sercu trzeźwego, to na języku pijanego - Quod in corde sobrii, id in ore ebrii; Jedna iaskółka nie przynosi wiosny - Una hirundo non facit ver.*

Словарь С. Рысинского ценен и тем, что дает представление об исконно латинской фразеологии, проникшей на славянские земли. Следует отметить, что многие фразеологизмы снабжены пометами о происхождении. Таким образом, сборник дает материал для сравнительного анализа: *Ręka ręceę umywa, nogą nogę wspiera - Manus manum lavat, pes pedem fulcit (Euripid), Człowiek tak, a Bog inaczej - Homo proponit, Deus disponit (Hieron).* Особый интерес представляют макаронизированные сочетания, приводимые в словаре. В этих гибридах переплетается «высокий штиль» латинского слова и более сниженный национального, что ведет либо к созданию комедийного образа, либо носит уничижительный характер: *Labor, Chłop, Avaritia, Pop; Ave Rabi, a za płotem Drabi; Per fas, per nefas, byle było u nas; Omnes tres, wszystka wieś.* Труд С. Рысинского помогает выяснить этимологию некоторых сочетаний. Среди фразеологов нет единого мнения о том, как следует трактовать существительное *filip* в выражении *wyrwał się jak Filip (filip) z konopi (konopi)* (ср. бел. *выскачыў як піліп з канпель; выскачыў як заяц з крапівы*). У С. Рысинского это выражение приводится в форме *Wymknął go iak Philipa z konopi*. Написание латинского слова *Philip* дает основание полагать, что речь идет об антропониме, а не о зоониме. Приведенные примеры свидетельствуют о насыщенности сборника С. Рысинского ценными данными о фразеологическом фонде и его функционировании на рубеже XVI-XVII вв.

Огромная заслуга в распространении латинской образованности принадлежит белорусскому просветителю Симеону Полоцкому (1629-1680). Тонкий знаток античного наследия С. Полоцкий распространял латинскую образованность не только на родине, но и за ее пределами, в частности, в Москве. Его творчество богато примерами из античной истории, литературы, мифологии, язык изобилует макаронизмами.

Формирование законодательства Великого княжества Литовского находилось под воздействием римского права. Об этом свидетельствует Статут 1588 г., одна из частей которого (семейно-брачные отношения) базируется на его принципах. Данный Статут в 1619 г. вышел в польском переводе, а затем и в латинском. Традиция переводов старобелорусских юридических текстов на латынь не была новой. Так, Статут 1529 г. переведен на латинский язык в 1530 г., а Статут 1566 г. - в том же году. Таким образом, латинский язык послужил для старобелорусского источником многочисленных юридических терминов, большинство из которых носит на себе следы польского посредничества. Только в одном документе - трибунальском декрете 1679 г., который в позднейшем издании занимает всего 14 столбцов текста, употреблено 50 лексем латинского происхождения, например: *акторать, акторъ, акция, апелляция, видимусъ, дата, декретъ, интромиссия, копия, кресценция, посесия, протестация, сукцесия, сума, терминъ, фундушъ и др.*

Одной из характерных черт культуры барокко, которая начала утверждаться в Белоруссии с конца XVI в., является макароничность языка. Мода на «пересыпание языка» деловых документов латинскими выражениями была широко распространена в XVII в. в Польше, где макароническая латинско-польская речь приобрела в это время характер эпидемии (Т. Лер-Сплавинский «Польский язык». М., 1954, 209). По польскому образцу, такие акты на макаронизированном польско-латинском языке начали появляться и в Белоруссии. Вот образец созданного в Белоруссии документа такого типа: «...po rozerwanym iuz ostatnim seymie, kiedy owe nowiny gesto lataly, ze sie

pan Lubomirski zbliża z woyzkiem ku granicy ofiarował mi się z tym, iechac do niego y, sub specie veteris confidentiae, tak intentie iego dalsze wyrozumieć, iako y w silach przeyrzec się, prosiac mie tylko, abym go chciał protegere...» (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов. Т. IV. Вильня, 1870).

По такому же образцу создавались и белорусско-латинские документы. Авторитет латинского языка способствовал тому, что в них широко употреблялись латинские канцелярские штампы, которые придавали документам особую стилистическую окраску. Кроме того, использование латинских выражений рассматривалось как признак учености. Приведем отрывок из белорусско-латинского макаронического текста: «...уподобанья своего инь акцоне мортись небожика не на Яна Софроновича сфабриковаць вынурившисе, не только же нуллитель модо воленто еть субдоле тую маетность Зукоевъ въ апрегенсію свою загорнувши, презь колько лть выдеркафу и квиты не платечи // оную модись иниквись щекугльною присегою вытравить и собь привлащить усилюеть што же яко контра омниа юра кардиналіа еть натураліа дьется // и того евидентиссима документись еть инструментись автентичись доведши и на оно указавши...» (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов. Т. XV. Вильня, 1888). Макаронизированные тексты соответствовали эстетическим канонам высокого барокко. Макаронизация языка в поэзии вызывала комический эффект. Например, белорусский аналог «Колядки» поэта XVII в. Яна Жабчица:

С калядкою *omnes ad vos* ідзем к вам // *Есці gratis* вельмі міла будзе нам. // *Gloria laus* богу усе заспяваем, // *Гаспадарам largum vesperу* раз прызнаем. // Пачынайце ж усе *fraters* каляду, // Почым я вас *усіх* на *premium* завяду. // *Мольце бога donet nobis Fortunam*.

Функционирование латинского языка в белорусской языковой среде постепенно приводило к разрушению международного стандарта этого языка и формированию его белорусской разновидности.

Начало художественного перевода с классических языков на белорусский положил М. Богданович, переводивший Вергилия и Овидия. Переводами античных авторов занимался Юлиан Дрейзин (1879-1942), из наследия которого, к сожалению, сохранилась лишь «Антигона» Софокла (Мн., 1926) и VI песня «Илиады» Гомера. Фрагментарно сохранились переводы из Гомера Б. Тарашкевича (Мн., 1991). В 1993 г. появился перевод трагедии Эсхила «Прометей прикованный», выполненный Л. Борщевским, который перевел также «Энеиду» Вергилия, «Скорбные элегии» Овидия, несколько басен Федра, избранные стихи из Сапфо и Катулла. А. Клышко осуществил перевод романа Лонга «Дафнис и Хлоя», а также XI и XVII песней «Одиссеи» Гомера. «Поэтика» Аристотеля на белорусском языке вышла в переводе Н. Мищенчука и М. Шавловской. Некоторые стихи Горация и басни Эзопа перевел А. Жлутко, избранное из Катулла - известный белорусский писатель В. Короткевич. Новолатинская литература представлена переводами «Песни о зубре» Н. Гуссовского, осуществленными Я. Семежоном (Мн., 1980) и В. Шатоном (Мн., 1994). «Прусскую войну» Яна Вислицкого перевела в 1997 г. Жанна Некрашевич, выпускница классического отделения Белорусского государственного университета.

Античные сюжеты использованы в двух поэмах XIX века, которые положили начало белорусской литературе нового времени: «Энеїда навыварат» и «Тарас на Парнасе». Традицию использования античных образов и сюжетов продолжили белорусские писатели и поэты М. Богданович (1891-1917), Янка Купала (1882-1942), М. Танк (1912-1995), В. Короткевич (1930-1984), И. Шамякин (1921-2005) и др.

Несмотря на то, что в Беларуси латынь позднее, чем в западной и центральной Европе, утверждается в качестве одного из литературных языков, функционируя в тесном взаимодействии со старобелорусским, она постепенно трансформируется в свою белорусскую разновидность.